

дальца, что мнѣ едва позволили сдѣлать арабы. Слабый крикъ «А-я рабба» (о, Боже мой)! — раздался изъ изсохшей груди умирающаго.

Арабы — «народъ молитвы», какъ ихъ справедливо называютъ. Имя божіе у нихъ всегда на устахъ — и въ минуту торжества, и въ минуту страданія, и при послѣднемъ предсмертномъ воздыханіи. Около часу еще я провозился съ умирающимъ, а потомъ онъ заснулъ на вѣки, обернувъ свое лицо къ той сторонѣ, гдѣ находится Кааба. Его полужасохшіе уста еще силились провознести имя пророка, но изъ его груди вырывались одни хриплые звуки; губы шептали еще что-то, и только одно отрывочное — *лиллахи* — показывало, что страдалецъ шепталъ ту заповѣдь, на которой виждется Магометовъ законъ... Страшно тяжело мнѣ было въ эти минуты, и я вздохнулъ свободнѣе, когда мученикъ пересталъ дышать. Онъ не долго боролся съ страшною смертію, потому что отъ него оставался одинъ скелетъ, обтянутый пергаментообразною кожею. Возясь съ однимъ, я забылъ о двухъ другихъ; но когда отходилъ я отъ свѣжаго трупа, на который мы набросили его бурнусъ, двое другихъ боролись съ тою же ужасною болѣзнію... Старый Абдъ-Алла стоялъ уже надъ ними и читалъ длинную зурѣ изъ корана, гдѣ описывались страданія человѣческія, и гдѣ великій пророкъ обѣщаетъ за то много награды правовѣрному, когда онъ перейдетъ въ загробную жизнь. «Страшно мученіе земное, но презрѣнно, — говорилось тамъ, — огонь, кажется, попадаетъ твои внутренности, червь точитъ твое тѣло, и скорпіонъ разитъ твое сердце; но ты борись со смертію, правовѣрный, жди и надѣйся... Исповѣдуй, что Богъ единъ, сынъ мой!..»

Но не до исповѣданія имени Аллаха и пророка было несчастному страдалцу; онъ стоналъ отъ нестерпимой боли и корчился отъ судорогъ; обѣщаніе райскихъ радостей и жаркихъ объятій хорошенькихъ черноокихъ гурій не улаждало «земныхъ, презрѣнныхъ мученій».

Когда я подошелъ къ Абдъ-Аллѣ, онъ пересталъ читать и привѣтствовалъ мой приходъ. Старый шейхъ уже зналъ отъ Юзы, что я принадлежу къ «благородному роду хукама» (врачей), а потому, указывая на больныхъ, сказалъ:

— Ты врачуй тѣло, благородный хакимъ, а я буду врачевать душу. «Аллахъ-ху-акбаръ» (Богъ великъ!) Онъ поможетъ намъ. Страшное джино-туси — гнѣвъ великаго пророка; онъ ниспосылаетъ его въ міръ, чтобы наказать его за беззаконія...

Теплое вино, горячіе компрессы, обтираніе и другія посиль-